

Памяти С. А. Иванова

На обедѣ, въ одной франко-русской организаціи, покойному Сергѣю Андреевичу и мнѣ случилось сидѣть рядомъ съ французомъ, съ которымъ мы тутъ же и познакомились. Сосѣдъ нашъ, оченъ благодушный человѣкъ (по профессіи, какъ оказалось, промышленникъ) былъ человѣкъ «лѣвыхъ устремленій». Какихъ именно, не знаю: вѣроятно radical-socialiste avancé. Особенно «avancé» онъ былъ, я думаю, за счетъ Россіи; а у себя дома, должно быть, нѣсколько меньше. Между банкирами нерѣдко попадаютъ люди совершенно потрясающей лѣвизны, но среди промышленниковъ они встрѣчаются гораздо рѣже (и это довольно понятно). Какъ бы то ни было, изъ разговора за обѣдомъ выяснилось, что къ намъ, эмигрантамъ, сосѣдъ нашъ относится съ учтливой снисходительностью, нынѣ очень модной, а въ извѣстныхъ кругахъ запада даже совершенно обязательной, какъ необходимая принадлежность прогрессивнаго мундира. Промышленникъ мягко далъ намъ понять, что ему тяжело спорить съ людьми, лично пострадавшими отъ новаго строя въ Россіи, и что онъ искренно сожалѣетъ объ участи многихъ изъ нихъ: ему хорошо извѣстно, что между «кзаристами» есть въ сущности хорошіе люди, — вѣдь попадались же они и между эмигрантами Французской Революціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скрылъ отъ насъ и того, что люди, отвѣтственные за грѣхи «кзарисма» и реакціи, должны, по его мнѣнію, терпѣливо нести свой крестъ, за бывъ объ «эгоистическихъ интересахъ». Крайностей большевистскаго управленія сосѣдъ нашъ отнюдь не одобрялъ; но просто по чувству безпристрастія онъ признавалъ и

все то доброе, что было сдѣлано большевиками. Дальше слѣдовала обычная въ такихъ случаяхъ ерунда, отъ которой у насъ вянутъ уши, а у нихъ глаза сіяютъ блескомъ умственнаго удовлетворенія. Конечно, нами достигнуты нѣкоторые успѣхи въ дѣлѣ ознакомленія европейскаго общественнаго мнѣнія съ русскими дѣлами. Весной 1917 года иностранныя газеты сообщали своимъ читателямъ, что Е. К. Брешковская всего 17 лѣтъ отроду была избрана «бабушей всѣхъ казаковъ». За послѣднее десятилѣтіе средней уровенъ эрудиціи по русскому вопросу несомнѣнно повысился на Западѣ. Мы идемъ впередъ, но не очень быстро. И подобно тому, какъ многіе изъ насъ теперь въ разговорѣ о китайскихъ событіяхъ увѣренно выкладываютъ сразу весь свой запасъ: Ву-Пей-Фу, и Чангъ-Солина, сѣверянъ и южанъ, — такъ и сосѣдъ нашъ не замедлилъ блеснуть освѣдомленностью въ дѣлахъ Россіи: les soviets для него приблизительно то же, что для насъ «гоминданъ».

Покойный Сергѣй Андреевичъ слушалъ все это какъ-то безпомощно растерянно. Онъ не свободно говорилъ по французски; можетъ быть, поэтому и не возражалъ. Да возражать собственно и не стоило. Но ужъ слишкомъ хорошо было сочетаніе собесѣдниковъ — и я кратко сообщилъ передовому промышленнику біографію челоуѣка, котораго онъ такъ учтиво и мягко порицалъ за «эгоистическіе интересы» и за «кзарисмъ». Эффектъ былъ менѣе значительный, чѣмъ можно было бы предположить. Думаю, что, несмотря на всю свою лѣвизну, нашъ сосѣдъ почувствовалъ нѣкоторый недостатокъ уюта въ неожиданномъ общеніи съ челоуѣкомъ, изготовлявшимъ динамитныя бомбы, приговореннымъ къ смертной казни и просидѣвшимъ болѣе двадцати лѣтъ въ тюрьмѣ (въ тюрьму вѣдь, все же, такъ просто не сажаютъ порядочныхъ людей). А, можетъ быть, онъ просто и не очень повѣрилъ. Намъ извѣстно, что китайцы дѣлятся на сѣверянъ и южанъ, а онъ зналъ твердо, что въ Россіи есть большевики и «кзаристы».

Долженъ сказать: и повѣрить было не легко. Жизнь С. А. Иванова — увлекательный романъ съ приключеніями, которыя могли бы дать сюжетъ самому Морису Декобра. Но такова была простота характера и скромность этого удивительнаго человѣка, что очень трудно было увидѣть въ немъ новаго Сильвіо Пеллико. Авторъ «Моихъ тюремъ», кстати сказать, и въ заключеніи провелъ гораздо меньше времени, чѣмъ Сергѣй Андреевичъ, да и опыта не имѣлъ такого разнообразнаго: кого только не встрѣчалъ С. А. Ивановъ! Онъ зналъ Дегаева — и зналъ Л. Н. Толстого *).

Онъ былъ членомъ Исполнительнаго Комитета Народной Воли, велъ дѣла съ Андреемъ Желябовымъ **), послѣ 1-го марта готовилъ съ Софьей Перовской убійство Александра Ш ***), а нѣсколькими годами позднѣе гото-

---

*) Съ Толстымъ у него были странныя отношенія, детали которыхъ мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Знаю, что въ самый разгаръ своей революціонной дѣятельности онъ имѣлъ три тайныхъ встрѣчи съ Львомъ Николаевичемъ. Знаю также, что Толстой съ особеннымъ интересомъ спрашивалъ С. А. обо всѣхъ подробностяхъ террористической работы и получалъ отъ него революціонную литературу. Въ бышемъ у меня конспектѣ воспоминаній, которыя хотѣлъ написать (и такъ и не написалъ) С. А. Ивановъ, сказано. «Послѣднее свиданіе съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Передача ему матеріаловъ для намѣченной имъ работы. Окончательное условіе съ нимъ. послѣ полученія имъ всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ и окончанія работы, всѣ написанные имъ очерки о революціонерахъ будутъ черезъ меня отправлены въ Парижъ для напечатанія ихъ прежде всего на французскомъ языкѣ». — Если не ошибаюсь, въ пору этой послѣдней встрѣчи С. А. ча съ Толстымъ (вскорѣ послѣ убійства Судейкина) уже намѣчался народовольцами планъ покушенія на гр. Л. А. Толстого (дальняго родственника Льва Николаевича)

**) Сергѣй Андреевичъ говорилъ, что съ Желябовымъ онъ познакомился у Е. М. Оловенниковой. Трагическая семья Оловенниковыхъ еще ждетъ біографа-художника.

***) Я имѣю въ виду малоизвѣстную, такъ и не выясненную въ свое время полиціей, попытку Вячеслава Стравинскаго застрѣлить Александра Ш въ Гатчинскомъ паркѣ. Разказъ объ этомъ дѣлѣ я слышалъ отъ Сергѣя Андреевича, который принималъ въ организациі покушенія самое близкое участіе. Меня удивило, что онъ участвовать въ этомъ дѣлѣ Александръ Ш только что вступилъ на престолъ.

виль террористическіе акты съ Германомъ Лопатинымъ. Въ началѣ своей революціонной карьеры онъ былъ посланъ въ Сибирь и оттуда бѣжалъ. Позже былъ приговоренъ къ смертной казни и въ теченіе девяти дней ждалъ съ минуты на минуту исполненія приговора. Въ Шлиссельбургской крѣпости онъ провелъ двадцать лѣтъ. Въ крѣпости этой, изъ которой, по выраженію ген. Оржевскаго «не выходятъ, а выносятся», сходили съ ума не только заключенные, но и тюремщики *). Нѣкоторые изъ товарищей С. А. Иванова по Шлиссельбургу были разстрѣляны, другіе умерли отъ чахотки, третьи отъ цынги. Не одинъ покончилъ съ собою. Грачевскій облилъ себя керосиномъ и сжегъ. Софья Гинцбургъ зарѣзалась ножницами. Самъ Сергѣй Андреевичъ, тяжело больной, сидѣлъ въ смиренной рубашкѣ съ завязаннымъ ртомъ. Онъ пережилъ это — и остался до послѣдняго дня веселымъ, незлобивымъ, благожелательнымъ, на рѣдкость добрымъ человекомъ! Видѣлъ онъ вблизи и всю грязь революціи: онъ работалъ совместно съ Дегаевымъ и былъ участникомъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Азефа. О многомъ я его разспрашивалъ и не находилъ въ немъ никакихъ признаковъ горечи, злобы, разочарованія. Нѣкоторые его рассказы казались мнѣ какимъ-то психологическимъ абсурдомъ.

Я встрѣчалъ многихъ изъ людей 70-хъ годовъ (чувствую неточность и условность этого опредѣленія), хорошо зналъ трехъ: Г. А. Лопатина, Н. В. Чайковскаго и С. А. Иванова. Общая родовая черта у нихъ была, кажется, только одна — чувство долга. Были среди нихъ и исключительно добрые люди (какъ покойный Сергѣй Андреевичъ), были и вовсе недобрые. Но эта общая черта въ нихъ преобладала. У людей внутренне незначительныхъ она могла бы быть очень скучной (соотвѣтственные худо-

---

*) Помѣшался и первый комендантъ Шлиссельбурга Покрошинскій и второй Добродѣевъ.

жественные образы оставить намъ Чеховъ). У нихъ она была истинно трогательной и прекрасной.

— «С. А. Ивановъ, — рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ашенбреннеръ, — и Н. А. Морозовъ видимо таяли и умирали на нашихъ глазахъ, но никогда не валялись на кровати, а перенося страданія на ногахъ и въ трудахъ, выхаживались. Напримѣръ, С. А. Ивановъ: у него кровотоечение, онъ еле дышетъ, а бѣжитъ не выспавшись въ огородъ и тамъ копаетъ, таскаетъ носилки, дѣлаетъ нелегкую, но привычную ему работу; оттуда несется въ столоярную, рубить, стругаетъ: затѣмъ спѣшитъ на кухню, варить, маринуетъ, или печетъ пирожки, которые посылаетъ къ обѣду товарищамъ. Послѣ обѣда онъ уже въ сапожной шьетъ башмаки для В. Н. Фигнеръ или Л. А. Волкенштейнъ. На вечерней прогулкѣ слушаетъ лекцію, или принимаетъ живѣйшее участіе въ дебатахъ. А если среди этого водоворота интересующихъ его занятій, кто-нибудь изъ товарищей призоветъ его на помощь, онъ бросаетъ свое дѣло и съ тѣмъ же увлеченіемъ помогаетъ. При всемъ этомъ несетъ общественную службу старосты, или библіотекаря и находитъ время читать и дѣлать обширныя выписки, компіляціи и писать оригинальные и прекрасные рассказы. Такъ забывалъ въ трудахъ онъ о себѣ и о своихъ недугахъ и недуги тоже его забывали».

Такимъ же — въ лучшихъ, хотъ и очень скромныхъ, условіяхъ жизни — его знали мы всѣ. Добрѣе, порядочнѣе и благороднѣе его трудно было найти человѣка. Въ нашихъ эмигрантскихъ предіріятіяхъ онъ принималъ на себя, не считаясь со своими правами, самую неблагодарную работу и исполнялъ ее со свойственной ему рѣдкой добросовѣстностью.

По взглядамъ онъ былъ, въ сущности, человѣкомъ очень умѣреннымъ, — какъ многіе народовольцы, какъ Германъ Александровичъ Лопатинъ, кажется самый крупный изъ нихъ всѣхъ. Умѣренныхъ взглядовъ Сергѣй Андреевичъ придерживался и въ пору своей молодости. Онъ,

вѣроятно, никогда не шель дальше знаменитаго письма Исполнительнаго Комитета Народной Воли къ Александру Ш. (Думаю, что не «лѣвѣ» его былъ бы теперь настроень и самъ Н. К. Михайловскій). Сергѣй Андреевичъ гордился тѣмъ, что учителсмъ его въ ранней молодости былъ декабристъ, другъ его отца, и что по матери онъ приходился правнукомъ поэту Батюшкову. Этотъ революціонеръ очень чтить культурныя традиціи Россіи.

М. Алдановъ.